

Н. Х. ОРЛОВА**«ДАВАЙТЕ УСПЕВАТЬ ПИСАТЬ АВТОБИОГРАФИИ»...¹****Интервью у Надежды Хаджимерзановны Орловой**

УДК 101.9

DOI: 10.32691/2410-0935-2020-15-102-125

Аванесов С. С.: Начинаем наше интервью. Орлова Надежда Хаджимерзановна, доктор философских наук, профессор, сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета, а также университета Зеленой Гуры (Польша). Здравствуйте!

Орлова Н. Х.: Здравствуйте!

Аванесов С. С.: Мы поговорим о том, какую роль жанр автобиографии играет в становлении философа, философствующего субъекта, насколько это важно для его саморефлексии, насколько это важно для организации его жизненного пути, насколько сам автобиографический взгляд помогает человеку состояться и как личности,

и как профессиональному философу. Насколько такая деятельность является в определённой степени поворотным моментом, насколько этот жанр позволяет узнать самого себя и выразить самого себя? Первый вопрос будет такой (немного провокационный): Вы уже пишете автобиографию? Или Вы считаете это делом лишним, поскольку главное в жизни философа – это его сочинения, то есть выражение себя?

Орлова Н. Х.: Можно говорить о том, что я её пишу, и пишу с детских лет – в виде дневников, которые веду всю свою сознательную жизнь. А сознательная – это с того момента, когда я научилась писать и читать; у меня появились тетради, в которых я записываю всё, что происходит со мной, о чём я думаю, что я переживаю. В какие-то периоды жизни мои дневники сводятся только к ежедневникам. Но даже в ежедневниках я всё равно пытаюсь пометить какие-то особенности событий. Хотя это, в общем-то, на уровне перечислений. Да, конечно, пишу, всё время пишу.

Аванесов С. С.: Вы считаете, что это важное дело для философа, или всё зависит от индивидуальных особенностей, темперамента, склонностей, способностей к письму и так далее?

Орлова Н. Х.: Я не думаю, что это предельно важно именно для философа. Мне кажется, у философа есть возможность выражать себя и свои переживания, в первую очередь, в тех текстах, над которыми он размышляет, в которых

¹ Интервью записано 25 декабря 2019. г. Разговор провел профессор С. С. Аванесов. Интервью проведено в рамках грантового проекта «Философская автобиография как метод антропологической навигации» при поддержке РФФИ (проект № 19-011-00124).

он высказывает какой-то свой взгляд на мир, ещё на что-то. Я думаю, что это важно любому человеку, если ему кажется, что только так он может запомнить самого себя. Это может быть, скажем, регулярный дневник или просто спонтанные записи о самом себе. Они по смыслу ведь что имеют в виду? Что это его собеседник. Это есть некое зеркало, в котором он себя видит. Он различает морщинки, неумытость или, наоборот, оказывается, я сегодня хорошо выгляжу. Ну, это в метафорическом смысле. Вот таким образом.

Аванесов С. С.: А важно ли для философа то, как он выглядит в зеркале? Или его жизнь как бы размещена не в этих его телесных формах и параметрах, а в его сочинениях?

Орлова Н. Х.: Ну, я «как выглядит» имела в виду именно в метафорическом смысле. Это здесь не чистая физика. И зеркало – тоже как метафора. Но, в любом случае, философу, как и всякому человеку, важно своё отражение в «зеркале». Важно узнавать себя там – в этом зеркале. И мне кажется, истинный философ (в метафизическом смысле), он, скорее, скажем, мыслитель сам в себе. И даже если он заблуждается, даже если он пошёл на какой-то такой виток, который может быть абсолютно не принят философским цехом, он всё равно верит в себя, в свое «отражение в зеркале» (пусть будет такая метафора). Для философа, мне кажется, предельно важно верить в самого себя. Тогда он может состояться. Хотя, конечно, может и заблуждаться. Что касается именно автобиографии, то мне не кажется, что это определяющее в его философской деятельности – непременно писать свою биографию. Мне не кажется, что это одно из определяющих условий.

Аванесов С. С.: Всё-таки по общему понятию биография и автобиография – это описание жизненного пути. Но жизненный путь для обычного человека понимается в таком простом, часто физическом смысле: родился, вырос, учился, получал образование, создал семью и так далее, и так далее. Разве жизнь философа не отличается от жизни такого обычного человека? Разве для жизни философа важны вот эти видимые, физические, внешние детали? Или же философ – это нечто другое? И если другое, то зачем ему описывать свою физическую жизнь?

Орлова Н. Х.: Ну, вот с самого начала мне не хватило того, что мы не определили: а что мы понимаем под «философом». Это, во-первых. Во-вторых, как мы определяем автобиографию? Потому что мы, в общем-то, дети нашего времени, и «автобиографией», как правило, принято называть жанр CV (curriculum vitae) или портфолио. Можно ещё говорить об административных автобиографических текстах (это когда тебя приглашают в отдел кадров, и ты пишешь там автобиографию). Тогда она сводится к тому, что родился, женился и так далее. И какие-то этапы профессионального развития (учеба, работа, статусы).

Когда я работаю в архивах, такие автобиографии – философов в том числе – мне встречаются в архивных документах автобиографические тексты, скажем, Александра Ивановича Введенского, Евгения Александровича Боброва или Ксении Михайловны Милорадович, которые помещаются на нескольких страничках. И там – да, там эти «внешние детали» перечисляются.

Если мы говорим в этом смысле, то никакого определяющего значения это не имеет, уверена. Кроме формально-административного, ну и исторического: мы потом можем восстановить жизненный путь этой персоны. Или мы под автобиографией понимаем некий личный текст, который автор, мысли-

тель (вот слово «философ» меня немножко напрягает), всякий человек мыслящий, размышляющий, рассуждающий из себя, и пишущий о себе в автобиографическом ключе. Но он же может писать о себе в самом разном жанре, в том числе в таком, который мы с вами подтянем под жанр автобиографического. Потому что если мы (читатели) там найдём какие-то переклички с его окружением, эпохой или с какими-то событиями из философского бытования, – то да, мы это назовём автобиографией.

Я думаю, что будут ещё, наверное, вопросы. И мы будем уточнять.

Аванесов С. С.: На Ваш взгляд, в каком случае автобиография является философской автобиографией, а не просто описанием жизненного пути?

Орлова Н. Х.: Ну, где описание события, встречи, допустим, с книгой, с человеком, с каким-нибудь другим событием продолжается в некие выходы на философические размышления об этом, – как это встраивается в некую мировоззренческую позицию, мировоззренческие взгляды, как это соотносится с самим философом. Тогда мы, наверное, можем говорить о его философской автобиографии. Она превращается в философский текст.

Аванесов С. С.: Не просто описание фактической последовательности происшествий, а когда это оценивается с точки зрения отражения в личной судьбе, связанной с переменами мировоззрения, скажем, и состояния души?

Орлова Н. Х.: Ну, не обязательно с переменами, а с развитием.

Аванесов С. С.: С развитием, да.

Орлова Н. Х.: Да. С уточнением каких-то своих взглядов на это.

Аванесов С. С.: Но Вы согласны, что такие философские автобиографии существуют в реальности? Вы их читали?

Орлова Н. Х.: Я не большой любитель автобиографических жанров. Может быть, потому что у меня просто до них как-то не доходят руки. Хотя по жизни – да, какие-то попадались. И, наверное, я бы отметила автобиографическую работу Николая Онуфриевича Лосского. Но, опять же, я очень прагматично отнеслась к этой работе, потому что использовала этот для работы над другими текстами. Там я получала сведения о философских событиях, о событиях в этом цехе, о встречах с какими-то людьми. И Николай Онуфриевич этих людей упоминает, он их как-то описывает, он как-то рефлексировал по поводу событий, в том числе, и таких ярких, важных событий, которые мы сегодня пытаемся реконструировать. В этом смысле этот жанр, он, конечно, цеховой. Он позволяет нам более корректно реконструировать внутрицеховые коммуникации философского академического сообщества. Он позволяет нам более достоверно увидеть вклад наших героев в те или иные дискуссии, в развитие идей, авторство которых мы сегодня – на расстоянии времени – приписываем, порой, совсем не тем людям.

Аванесов С. С.: Это, скорее, тогда исторический интерес. Да? Вы находите какие-то подтверждения каким-то историческим событиям.

Орлова Н. Х.: Скорее, исторический. Да.

Аванесов С. С.: А есть ли, скажем, в автобиографии Лосского какое-то чисто философское содержание? Демонстрирует ли там автор собственное философское развитие? Есть ли там рефлексия по поводу движения собственной мысли?

Орлова Н. Х.: Если бы я поставила перед собой задачу именно в этом ракурсе отследить, наверное, нашла бы это. Но я на этом не концентрировалась.

И потом, опять же, Николай Онуфриевич писал свою биографию в режиме воспоминаний. Он её надиктовывал, а потом уже это превращал в тексты. И это было уже в таком отсроченном варианте, когда он уже был очень зрелым и состоявшимся философом. Думаю, что скорее этот текст можно рассматривать как историко-философский... Но это не проверенная версия. Хотя, я думаю, что он там продолжал развиваться именно как философ. Скорее, ему интересно было оглянуться на эти события. И, может быть, он переоценивал или пересматривал своё отношение к этим событиям – к тому, что происходило в его жизни как философа.

Аванесов С. С.: А такой оценочный взгляд в ретроспективу – это философская же позиция? То есть человек не просто описывает то, что когда-то произошло. Он записывает и фиксирует это таким образом, что демонстрирует важность для себя вот этой ретроспективы. И в этом смысле мы это можем полагать в качестве философского подхода к собственной жизни?

Орлова Н. Х.: Сергей Сергеевич, Вы так и норовите меня подтянуть к тезису, что автобиография философа непременно должна быть наполнена некими философскими содержаниями. Да?

Аванесов С. С.: Я просто хочу провести различие между философской автобиографией и автобиографией философа. Ведь чисто теоретически человек, будучи философом, может так описать свою жизнь, что он выступит при этом просто историком, фиксируя некоторые события. Без всякой аналитики, без всякого соотношения с развитием собственного мышления.

Орлова Н. Х.: Теоретически – да. Чаще всего люди, в том числе философы, так и делают.

Аванесов С. С.: И тогда мы можем различить автобиографию философа и философскую автобиографию?

Орлова Н. Х.: Наверное. У Августина Блаженного автобиография, его философская исповедь, наверное, имеет какой-то автобиографический смысл. Но она остаётся для нас философским текстом. Да?

Аванесов С. С.: Да.

Орлова Н. Х.: И когда он её писал, вероятно, он, в общем-то, и выражал себя, в том числе как теолог, как философ – в этом смысле. Так получилось у Августина.

Аванесов С. С.: Тогда мы подходим к следующему вопросу. Может быть, мы можем сказать, что именно не автобиография философа, а философская автобиография – это уже не историческое сочинение, не исторический жанр, а, скорее, это один из жанров философских? То есть можно ли свою философию выражать не через трактат, не через диалог, а через автобиографию?

Орлова Н. Х.: Можно попробовать, наверное. Но я думаю, что серьёзный системный философ вряд ли ограничится только этим жанром.

Аванесов С. С.: Нет, а если не «ограничится», он может допустить такой жанр как один из возможных дискурсивных способов фиксации собственного мировоззрения?

Орлова Н. Х.: Может. Философ (и человек) всё может. Наверное, даже существуют такие. Мне даже кажется, что я когда-то и встречалась с такими текстами. Но уверена, что это очень редкий вариант. Так мне кажется. Очень редкий вариант, и, скорее, случайный. Связано это с тем, что, в общем-то, философу важно быть диалогичным. Ему важно, как слово его отзовется. И автобиоог-

рафический жанр для этого мало подходит. Не думаю, что можно предложить широкому философскому сообществу свои сочинения в виде автобиографии. Есть же некая цеховая традиция. Так или иначе, с ней надо считаться. И есть традиция письма, представления текста сообществу, когда сообщество на этот текст выдаст какую-то обратную связь через дискуссию, ещё как-то.

Аванесов С. С.: Вот смотрите, философское сообщество (если это философское сообщество), оно же, видимо, не ограничено местом и временем. Философское сообщество, к которому принадлежит, скажем, Платон, оно же до сих пор существует и будет продолжаться. Поэтому, может быть, исходя из того, что философское сообщество бесконечно во времени, может быть, тогда философскую автобиографию можно воспринимать как высказывание философа, ответ на который будет сформирован, может быть, позже, не прямо сейчас, в будущем философском сообществе. Это, во-первых. А во-вторых, если философ делает предметом размышления всё, то он же может сделать предметом размышления себя самого. И тогда через жанр автобиографии он, возможно, будет способен осуществить этот взгляд.

Орлова Н. Х.: Конечно. Он может захотеть специально предложить, в том числе и будущему, размышления о самом себе. Но исключительно «может».

Аванесов С. С.: Да. Но не обязан.

Орлова Н. Х.: Но может и не захотеть этого делать. Мне кажется, почему автор может обратиться к автобиографическому жанру? Если исходить из того, что он хочет, чтобы это ушло как некий посыл в будущее (то есть, скорее, прагматическая цель), то автобиографический жанр даёт возможность, что тебя прочитают не только твои коллеги по цеху, не только философы. Твой текст прочитают историки. Твой текст прочитают архивисты. Твой текст прочитают литературоведы. Тогда получится посыл в междисциплинарное, скажем, сообщество.

И в этом смысле автобиографический жанр... Мы сегодня просто это видим, на самом деле. Сегодня автобиографии и вообще архивные рукописи от первого лица – они предельно востребованы. Потому что в них есть информация. В них много-много информации, которую сегодня может любой учёный каким-то образом использовать для своих исследований в самых разных отраслях, а не только философ. И философский цех может, конечно, обратиться к этим текстам, но не как к основным документам.

Может быть, это Вас разочаровывает, но такова моя точка зрения. Я наблюдаю, как сегодня используются тексты философов, которые приближены, скажем к мемуарному, автобиографическому, дневниковому, эпистолярному жанрам, где личности автора больше, чем неких его абстрактных построений. Самое большее, в историко-философском ключе. Может быть, потому, что мы сегодня в принципе не читаем личные тексты и сами мало говорим личной речью.

Аванесов С. С.: Но в данном случае тогда виноват не автор...

Орлова Н. Х.: А эпоха...

Аванесов С. С.: А виновато сообщество, которое не готово воспринимать философа...

Орлова Н. Х.: Да. Но, кажется, так было всегда...

Аванесов С. С.: ... а готово воспринимать его отвлечённые тексты и анализировать их с точки зрения доказательности, аргументированности и так далее.

Орлова Н. Х.: Да.

Аванесов С. С.: А сам автор сообщество не интересуется. Это, конечно, странная позиция. Потому что философия должна со вниманием относиться к личности, к самому высказывающемуся.

Орлова Н. Х.: Да. Я согласна. Но, опять же, это моё наблюдение. И вполне возможно, что оно спорное, и можно об этом дискутировать. Но мне кажется, что мы и себе-то, и друг другу сейчас не очень интересны в сообществе, только на уровне цитирования. И коммуникации, хотя и не хочется сводить это к торговой фразе «ты мне – я тебе», строятся приблизительно таким образом. Завязываются некие сотрудничества. Но я про общие тенденции говорю. Мы и на публикационные площадки подтягиваемся по этим признакам, и цитируем друг друга, исходя из этого. Сегодня же не секрет, что мы договариваемся: я тебя цитирую – ты меня цитируешь. Потому что мы встроены в конъюнктуру сегодняшнего дня. Можно ли нас назвать сегодня «философским сообществом»? Это большая натяжка. Но коль скоро мы оперируем этими понятиями, как «философский цех», «философское сообщество», «философская автобиография», «автор-философ», то да, конечно.

А кому автор-философ предлагает свой текст? Он предлагает философскому сообществу, в первую очередь. Во всяком случае, есть такая у него иллюзия, что именно философскому сообществу он может быть интересен. Мне сложно сегодня быть уверенной, что этот (автобиографический) текст не обречён на забвение. Скорее, им заинтересуются историки, которые будут выискивать там события и приметы эпохи. Историки философии – да, может быть.

Приведу пример из своей работы. Сейчас реконструирую жизнь Евлалии Павловны Казанович, которая поступила на Бестужевские курсы, мечтая стать философом². О ней вышла недавно первая книга, в стиле дневниковой автобиографии. Один из своих дневников она назвала «Дневник одного живого существа». В архиве есть её письмо к императору с предложением, где она рассказывает о своих мечтах создать философский институт (институт философии). В её рукописях хранятся даже чертежи, детализованный проект здания, Устав заведения. Но главное, там не должно было быть раздельного обучения: институт и для мужчин, и для женщин. Через её дневник проходит тема возможности женщины в философии... Это практически автобиографичный жанр. Она описывает там, конечно, и бытовые детали, например, что уже месяц голодает (дворянка, мечтающая о независимости). И в этот же день описываются её размышления о месте человека в этом мире, какие-то идеи. Она описывает свою встречу с Александром Ивановичем Введенским, свои переживания по поводу того, насколько она способна соответствовать высокому уровню философии, философствования. Но кому сегодня это интересно?

Аванесов С. С.: Если это интересно хотя бы Вам – значит, этот текст написан не зря. А в общем мы можем сказать, что, таким образом, автобиография – это такой жанр, который предоставляет возможность высказаться о самом себе в философском смысле?

Орлова Н. Х.: Да. Мне кажется, это главный смысл. Я сейчас и про себя смеюсь, когда шучу и говорю, кому я пишу. Я понимаю, что я своим коллегам

² Казанович Евлалия Павловна (1882 – 1942 гг.), литературовед, критик, библиограф, одна из создателей Пушкинского дома. В 1929 г. арестована по Академическому делу. После освобождения в 1934 г. работала библиографом Центральной библиотеки Всесоюзного геологоразведочного объединения. Умерла во время блокады Ленинграда.

интересна только в том смысле, чтобы выдернуть фразу и на неё сослаться и так далее. Но я приблизительно точно так же, наверное, плачу той же монетой своим коллегам. Тут мы все в равных позициях. Я не говорю о себе в превосходной степени, а о них в уничижительной. Нет-нет. Я здесь действую по тем же самым правилам в условиях жёсткого прессинга, в который сегодня поставлен практически каждый учёный. Но когда я работаю над своими книгами и, скажем, беру наш журнал «Парадигма» и стараюсь, чтобы он был очень умным, чтобы там не было ни одного дежурного текста, а был бы текст, который всё-таки будет прочитан, я добавляю к этому «через 100 лет». Я очень хочу, чтобы журнал сохранялся на бумаге. Мне предлагают: уходи в электронную версию, это проще, это дешевле и так далее. Но я верю в библиотеки, верю в архивы. И мне кажется, что если даже через 100 лет кто-то захочет взять в руки эту книгу – значит, я не зря сегодня в неё верила, в эту книгу, и в то, что моё слово когда-то будет нужным. Может быть, это даже послужит таким комплементарным высказыванием через 100 лет, что мой текст опережал своё время. (Улыбаюсь). Это же сегодня комплимент?

Аванесов С. С.: Это и есть нормальный философский подход. Когда я работаю не потому, что я должен дать некий рейтинговый показатель прямо сейчас.

Орлова Н. Х.: Да.

Аванесов С. С.: Это может выглядеть как работа в стол. Но, с точки зрения большого времени культуры, это как раз и есть главное оправдание для всякого труда: ты работаешь не на сиюминутные рейтинговые показатели, а на культурные ценности, которые всегда выше, чем эти сиюминутные моды, обязанности, правила, инструкции и так далее. И в этом смысле, Надежда Хаджи-мерзановна, Вы всё больше и больше присутствуете в Ваших высказываниях: я хотел бы перевести речь немного поближе к Вам. Если Вы ведёте дневники, так или иначе осмысливаете свою биографию, если там отражён Ваш внутренний рост – значит, это философские тексты или подготовительные материалы к философским текстам. Если смотреть на Вашу жизнь, то Вы для себя могли бы назвать момент в жизни, который стал ключевым (или несколько таких моментов) с точки зрения формирования Вашего внутреннего мира, философских убеждений, представлений, мировоззрения? То есть ключевой момент (или ключевые моменты) Вашей биографии как философа – в философском смысле.

Орлова Н. Х.: Пожалуй, мне ближе окончание этого вопроса. Понимаю и допускаю, что это спорно, но мне кажется, что философ формируется не какими-то моментами уже в зрелом возрасте, а с детства. Потребность размышлять, потребность каким-то образом объяснять для себя окружающий мир и своё место в этом мире – это должно где-то там начинаться. И в этом смысле у меня есть несколько событий, которые можно считать «ключевыми» в моей философской биографии. Но не уверена, что они отражены в моих дневниках. Моя встреча с Достоевским, когда мне было 11 лет. Я росла в достаточно бедной семье, и у нас не было библиотеки, вообще не было и книг, кроме школьных учебников. А я была очень читающим человеком. И библиотекари в моём городке хорошо знали меня, Надю Мамий, потому что я читала полками, стеллажами. Была просто такая физиологическая потребность читать, и годилось всё: и публицистика, и биографические книги, научно-популярные, фантастика и так далее. То есть всё это прошло через моё чтение.

Но. Встреча с Достоевским состоялась как раз не в библиотеке... Такой сюжет. Мама приходит поздно вечером с работы и приносит книгу, довольно потёртую. Это «Преступление и наказание» Достоевского. Она шла и, проходя мимо скамейки, уже в темноте, она увидела, что там лежит книга. Она её взяла и мне принесла. Я не могу сказать, что моя мама сама – читающий человек. Мне кажется, она вообще никогда не прочитала ни одной книги. Она была малообразованным человеком. И в принципе не испытывала пиетета к тому, что я вот такая читающая. Но почему-то она принесла мне эту книгу. Это было один раз в жизни. Она никогда не приносила книг – ни до, ни после. Почему-то тем поздним вечером она принесла эту книгу Достоевского «Преступление и наказание»...

Я прочитала её запоем. Я это называю «запойно прочитать». Это когда ты не отрываешься, ну, и так далее. Бывали случаи, когда мама не разрешала мне читать. Чаще всего не разрешала читать по ночам. Тогда я дожидалась, когда все уснут. И если была лунная ночь, я садилась к окну и читала при луне, дочитывала до изнеможения, насколько хватало физических сил. Вот приблизительно так запойно я прочитала «Преступление и наказание». Вот это была моя встреча. Я храню эту книгу. Она со мной ездит по миру. Она и сейчас на моей книжной полке. Это из детства.

Второй сюжет (из детства, опять же) – это в день, когда мне исполнилось 16 лет. Я помню, как провела этот день. Причём это был день рождения вполне себе праздничный. Нет, не было никакого застолья. Этой традиции у нас в семье не было, опять же, по бедности. Но почему-то в тот мой день рождения моя учительница подарила мне какой-то цветок. Другая учительница подарила мне портрет Ленина. Да, представьте себе, портрет Ленина. С очень хорошей надписью.

Аванесов С. С.: С автографом?

Орлова Н. Х.: Нет-нет. С пожеланием. Были ещё какие-то подарки, совершенно неожиданные для меня. Но я этот день прожила (я хорошо помню) в каком-то ужасе. Ужасе ощущения, что времени осталось мало... Физически, буквально физически я чувствовала всем телом, как быстротечно время. И у меня просто мурашки пошли по коже. Это был такой день тотальной тревоги – внутренней паники: время, время, время, оно быстротечно, что я могу успеть? А что я могу успеть? Вот эту тоску я запомнила. Но это из детства.

А если уже из взрослой жизни, то это когда я уже в профессиональную философию пришла. Это тоже событие. Это встреча с Михаилом Семёновичем Уваровым. Перед этим я защищала свой диплом по психологии (мой второй диплом о высшем образовании). И на защите в Санкт-Петербургском университете кто-то из членов комиссии сказал: «Да у Вас готовая диссертация». И еще: «Вам, вообще, хорошо бы защитить эту работу». Я подумала: ну, раз «хорошо бы», почему бы и нет. На психфак я не поступила в аспирантуру. Как-то общаюсь в одной компании друзей, а там оказалась коллега-психолог, которая работала в Военмехе на кафедре психологии. Она говорит мне: «Надя, а приходи к нам в Военмех, у нас есть кафедра философии. И, знаешь, у нас есть очень интересный философ – Миша Уваров. Он очень интересно аспирантские семинары ведёт. Ты приезжай, к нему на семинары можно приходить, они по вторникам бывают. Ты приезжай, может быть, тебе и понравится, и, может быть, ты к нам придёшь». И я приехала.

Идёт Миша Уваров по коридору, вот так наклонив голову слегка. И моя знакомая приятельница Ольга говорит: «Михаил Семёнович, а у Вас во сколько будет семинар?» Он так, не поднимая головы, буркнул нам о времени. А она спрашивает: «А можно ли к Вам моей приятельнице?». Он ответил: «Ну, конечно же, можно. Да, всячески приветствуется». И я пошла к нему на семинар. Целый год я ездила на эти семинары. Нас было всего лишь двое: один аспирант Дима из нового набора, и я – вольнослушательница. (*Смеется*). Начали мы с Канта. И я слушаю про тот самый категорический императив, о котором рассказывал Михаил Семёнович Уваров. А он так рассказывал, как будто это он написал про это. Это не Кант – это он! (*Смеется*) И было ощущение, что передо мной прекрасный человек, который знает, как правильно размышлять о себе, узнавать себя, мыслить и верить в звёздное небо над головой. Вот это была такая чудесная встреча. Voilà. Наверное, с этого я началась как профессиональный философ.

Аванесов С. С.: То есть книга, самоощущение критическое?

Орлова Н. Х.: Ощущение времени.

Аванесов С. С.: И встреча с человеком, через которого произошла встреча уже со всем философским миром?

Орлова Н. Х.: Да.

Аванесов С. С.: Если бы Вы писали автобиографию, то, видимо, эти сюжеты были бы там ключевыми моментами?

Орлова Н. Х.: Ну, да. Мне кажется, что так.

Аванесов С. С.: Через которые можно было бы оценить и выстроить всё остальное течение жизни?

Орлова Н. Х.: Ну, в письменном тексте эти события где-то отражены. Потому что, когда Михаил Семёнович ушёл из жизни... Впрочем, нет. Ещё когда он был. Поступила просьба от Мосоловой Любови Михайловны, заведующей кафедрой культурологии Герцена, написать творческую биографию Михаила Семёновича Уварова для «Культурологического вестника». Михаил Семёнович ещё был жив. И я что-то написала в эссеистическом жанре. Но он, правда, всё отредактировал. (*Смеется*). Ну, такой он перфекционист, к слову на письме паталогически чувствительный. Однако про ту встречу с ним не вымарал. И в этом смысле это получилось автобиографично, в том числе. В его биографию вписалась вот эта автобиографическая зарисовка о встрече с ним как с философом, как с мыслителем, как с учителем, как с другом.

Аванесов С. С.: Хорошо. Спасибо. А как можно ответить на такой вопрос: когда философ пишет свою биографию, именно описывая своё философское становление и рост, он же должен учитывать сам этот факт написания автобиографии? И тогда само писание автобиографии входит ли в его биографию как философа? Должен ли он рефлексировать не только над той жизнью, которую он описывал и которая случилась до писания автобиографии, или само писание автобиографии он тоже должен включать в процесс собственного становления?

Орлова Н. Х.: Собственное становление меня немножко напрягает. Потому что мне кажется, что он может это включать. И мне даже кажется, что он по необходимости это включает. Он саморефлексирует.

Аванесов С. С.: То есть прямо или косвенно, так или иначе, это отражается?

Орлова Н. Х.: Да. Он саморефлексирует. Хотя бы в таких словосочетаниях, как «ну, вот опять я пишу, может быть, сумбурно». Человек пишет о себе. «Опять я пишу сумбурно».

Аванесов С. С.: Или «прошу простить читателя мой корявый стиль...».

Орлова Н. Х.: Нет, это уже обращение к читателю. А вот когда он саморефлексирует о самом себе пишущем (если я правильно понимаю вопрос) это об этом...

Аванесов С. С.: Об этом.

Орлова Н. Х.: ... то тогда он, конечно же, каким-то образом рефлексирует на некую неудовлетворённость или он констатирует, что он сегодня так одержим вот этим событием, или он так скован, допустим, или ему никак не оторваться от своих переживаний. То есть о себе пишущем он может таким образом... Он может отослать к записям самого себя, послать к прошлой записи о самом себе. «Ну, что я там пылил по этому поводу? А всё-то оказывается по-другому». Значит, он обращается к самому себе в этом смысле.

Аванесов С. С.: И тогда сам процесс написания автобиографии, может ли он быть связан с творческим ростом, с саморазвитием, с пониманием того о себе, что не было понятно до начала написания этого текста? Может ли в процессе написания автобиографии меняться взгляд пишущего и на себя самого, и на собственные взгляды?

Орлова Н. Х.: Мне немножко мешает отвечать на эти вопросы то, что я психолог. (*Смеется*). Потому что я понимаю, вернее, убеждена в том, что о чём бы мы ни говорили наедине с самим собой, в письме, в письменном тексте или с кем-то, или вот как мы с Вами сейчас говорим (Вы – задавая вопрос, я – отвечая на него), – мы говорим, всё время вытаскивая что-то из себя, рефлексирова на самих себя и в этом смысле – да, совершенствуясь. То есть что-то в себе уточняем.

Аванесов С. С.: Что-то понимаем, может быть?

Орлова Н. Х.: Что-то в себе, да, и понимаем, в том числе, вытаскиваем из бессознательного в каком-то смысле, из закрытого нам, из того, над чем мы не размышляли. То есть осознаём.

Аванесов С. С.: Понятно. Потому что если философ рассуждает о мироздании, то ракурс его внимания как бы направлен вовне. А здесь, когда он пишет автобиографию, он по необходимости смотрит на самого себя.

Орлова Н. Х.: Начинает с себя.

Аванесов С. С.: Да. И, может быть, видит то, чего он раньше не видел, смотря вовне?

Орлова Н. Х.: Он, может быть, и видел.

Аванесов С. С.: Теперь-то он полностью на себе сосредоточен.

Орлова Н. Х.: Он фокусирует на этом взгляд.

Аванесов С. С.: Да, фокусирует.

Орлова Н. Х.: Потому что это же как фигура и фон. Известен замечательный пример, когда мы видим либо вазу, либо два профиля. Но это не означает, что мы одновременно не видим того и другого. Картинку-то мы видим целиком, но фокусируем мы внимание либо на вазе, либо на профилях. Так же и в самом себе: мы видим это в себе, но фокус внимания у нас сосредоточен на чём-то особенно актуальном в данный конкретный момент. И тут Ваш вопрос

заставляет (или, допустим, моя потребность записать) сфокусировать внимание на каком-то своём переживании по этому поводу.

Аванесов С. С.: Но я же могу спросить, у меня появляется повод, для того чтобы спросить: а почему я в своё время записал вот это событие? Когда мы делаем запись в дневнике о каком-то событии, мы как бы формально пишем о нём. А теперь я могу спросить: а почему я сделал эту запись об этом событии?

Орлова Н. Х.: Это интересный вопрос: почему мы пишем о самих себе? Ведь на самом деле очень часто мы фиксируем в записях такие вещи, которые не хотели бы, чтобы их кто-то прочитал, но всё равно мы их записываем. Пожалуй, я возвращаюсь к началу нашей беседы... Это, конечно, наше одиночество. Нам нужно всё-таки с кем-то обсудить нечто – то, что мы сегодня, сейчас, в данный момент времени не готовы ни с кем обсудить, но только с самим собой. И тогда получается, что тут решается довольно прагматичная задача. Я говорю об авторе, который ведёт дневник или пишет в жанре автобиографии... Если, конечно, записи ведутся в режиме реального времени, а не по воспоминаниям. Воспоминания – это нечто иное. У меня особое к этому отношение. А если именно в режиме реального времени, то, на мой взгляд, решаются две прагматичные задачи.

Первая – сопережить событию (мысль, эмоцию) на бумаге. Потому что важно проговорить, пережить, снять напряжение, связанное с этим событием, с этой встречей, с этой мыслью, которая тебя держит в руках. Мысль ведь тоже может держать. Мы погрязаем в этих внутренних монологах и диалогах. Они нас держат цепко, и мы тратим на это энергию. Мы не можем функционировать по другим направлениям. Это первая задача. Дневник, автобиография эту терапевтическую задачу решают блестяще. В условиях, когда мы не готовы говорить об этом ни с кем, нет у нас сейчас партнёра под рукой, с которым мы можем довериться и которому мы, вообще, верим, что он может услышать то, что мы хотим сказать. Даже самый чуткий человек, которому мы верим... Мы знаем пределы возможностей даже очень близкого человека.

И вторая, тоже прагматичная, не менее важная задача: мы хотим себя запомнить. Мы хотим запомнить даты и события, хронологию. Мы надеемся, что в перспективе мы вернёмся и из этого напишем о себе развёрнутый текст. Но нам нужен этот скелет сохранить. И сейчас не о каждом событии мы готовы писать трактат в своём дневнике. Я завидую своим героиням, потому что у них было время писать эти дневниковые трактаты. Каждый день они могли описать так, что там помещались характеры, переживания, события, идеи – это такое богатство! Сейчас мы лишены такой возможности. Мы не можем так много писать о самих себе. И мы пытаемся записывать автобиографический скелетик, строить его в надежде на то, что мы туда вернёмся.

Мои ежедневники – это приблизительно то же самое. Я написала «у Нади концерт» или «я еду к Аванесову в Новгород», – и я там же помечу: «я собой довольна». Я довольна. А был такой доклад! И я собой довольна. Я боялась, что я не соберу себя в кучу, что из меня всё... Но я всё равно довольна. Да, есть то, что я сказала бы иначе, но, в принципе, я событие зафиксировала. Вернусь ли я к описанию детальному – это вопрос. Но я его зафиксировала. Как это послужит в будущем? И, конечно, здесь присутствуют мои амбиции: они мотивируют и осмысливают само желание фиксировать событие. Я надеюсь, что когда-то кто-то захочет туда заглянуть. И, может быть, он будет писать про Сергея

Аванесова. Но он у меня там прочитает и обнаружит, что он проводил интересные семинары, и была дискуссия.

Аванесов С. С.: Приглашал интересных людей.

Орлова Н. Х.: Приглашал интересных людей, да. Ну, конечно, я не опишу этот день, как я встретила с Борисом Васильевичем Марковым, и что сказал Борис Васильевич Марков. А хотя есть про что написать. И мы успели проговорить и про мечту Саши Говорунова, и как мы вообще изменяем своим мечтам в погоне за «скопусами». И наша мечта в виде самой лёгкой лодки в мире всё время откладывается. Вот он, философский текст. Но я его не записала. Не хватило на это времени. Я его продумала, зафиксировала в памяти сердца. Чем ближе я по времени к событию, тем больше иллюзий, что ещё вернусь в эту точку памяти. Но потом дистанция времени растёт, и вернуться всё труднее.

Аванесов С. С.: Вы согласны тогда, что жанр дневников и мемуаров и жанр автобиографии – это немножко разные жанры? То есть автобиография пишется уже в состоянии такого наличия досуга, когда есть возможность осмыслить то, что было раньше зафиксировано, может быть, конспективно, в жанре дневника. Автобиография всё-таки – некоторый законченный текст. Там, может быть, даже какой-то сюжет есть. Так?

Орлова Н. Х.: Я бы, пожалуй, автобиографию рассматривала как более ёмкий текст, более структурированный, такой больше тянет на скелет. А вот дневник – это всё-таки мясо, мышцы, кровеносная система, психика. Но, опять же, можно спорить на эту тему. Это мои ощущения, потому что эти жанры... они в моей жизни присутствуют.

Аванесов С. С.: Как Вы думаете, когда надо начинать садиться и писать автобиографию? По горячим следам событий, и таким образом писать её всю жизнь, параллельно этой жизни, когда ещё свежа память о каждом событии, или писать уже ближе к финалу жизни, когда мы уже заняли позицию, с которой (из будущего) ясна значимость, ценность, смысл всех тех событий, которые произошли раньше, когда мы их можем расположить в некоторой связи? Когда нам писать автобиографию: всю жизнь или в конце жизни, оглядываясь на неё?

Орлова Н. Х.: Когда пишется.

Аванесов С. С.: Ага. То есть это должно само произойти.

Орлова Н. Х.: Когда пишется. Автобиографию надо писать тогда, когда пишется. Когда мотивация на её написание достигла критической точки – надо садиться за письменный стол. И надо отложить немедленно какую-нибудь кондовую дежурную статью и сделать запись. Но для этого должна быть очень мощная мотивация. Надо верить в то, что это что-то архиважное. Но вот вопрос: а кому это важно? Сейчас порой кажется, что, может быть наши архивы даже нашим детям не будут важны... Другие скорости, иное отношение к памяти.

Аванесов С. С.: А внукам?

Орлова Н. Х.: И внукам, может быть, не будет важно. Потому что сейчас культура переходит на такие способы передачи и фиксирования информации, мемуаризации информации, что иногда кажется, что все становится космической пылью... Никто никогда не докопается до этого текста. Никто и никогда. Разве что какой-то учёный, какой-то исследователь, пытливый историк, для которого работа в архиве, в библиотеке – это смысл жизни. И всё...

Аванесов С. С.: Причём он, скорее всего, и опубликует потом результаты этих исследований.

Орлова Н. Х.: Да. Есть надежда.

Аванесов С. С.: И тогда, может быть, этот текст станет доступным.

Орлова Н. Х.: И тогда есть надежда. Да. Так что записывать себя нужно не потому, что это кому-то немедленно будет интересно... Самая надежная мотивация: если тебя прёт и рука тянется к письму о себе – пиши.

Аванесов С. С.: То есть если тебе это надо.

Орлова Н. Х.: Если именно тебе это надо. И записывать надо тогда, когда пишется, а не вымучивать из себя. Либо решать прагматичную задачу – писать хронологию, фиксироваться в ней, а потом уже надеяться на то, что появится время, возможность и некое такое ощущение, что к этому можно вернуться. Тогда возникает этот счастливый момент возвращения к тексту и его насыщения уже с иных позиций. Но не в режиме «или – или», а в режиме «сейчас я фиксирую как могу, а потом я к этому вернусь и насыщу это уже с позиции себя, взрослого, уже переосмысляющего и по-другому расставляющего акценты».

Аванесов С. С.: Может быть, тогда и не нужны уже будут дневниковые записи, и человеку удобнее будет опираться на память? На то, как он помнит это, а не то, как он в своё время записал. Может быть, даже и не точно записал, не на то обратив внимание. А теперь, может быть, он знает, на что нужно было обратить внимание. Может быть, тогда его дневники, наоборот, будут смущать и мешать ему?

Орлова Н. Х.: Дневники точно будут смущать. Но смущать по другой причине.

Аванесов С. С.: По какой?

Орлова Н. Х.: Они будут смущать тем, что человек будет видеть себя трагически страдающего или глупо восхищенного. А прошло много лет, он читает про это и думает: «Боже мой, неужели я такой был? Неужели я из-за такой ерунды так переживал?» Потому что дневник – это, чаще всего, всё-таки эмоции.

Аванесов С. С.: И в дневнике ведь не зафиксировано, что это ерунда. Это он сейчас видит, что это была ерунда.

Орлова Н. Х.: Ну, конечно, там можно бравурно написать: «Ну, какая это всё-таки ерунда. И что же я так в это вцепился? И что же я по этому поводу так плачу?». И вообще, можно поразмышлять по поводу того, что время коротко, дни лукавы, и завтра я про это забуду. Но сегодня-то я забыть не могу. Скажем, я веду дневники, и обратила внимание: когда перечитываю свои старые тетради, я понимаю, что самая мощная мотивация сделать запись – это когда мне очень плохо. Когда я настолько захвачена переживаниями трагическими. Причём они, собственно говоря (я, как психолог, понимаю) легко проживаются. *(Смеется)*. Я скоро-скоро от них уйду. И это, как правило, какие-то любовные истории. Что мы в последнюю очередь доверим другому человеку? Это некую свою неудовлетворённость самим собой. Когда ты просто про себя думаешь в самом-самом уничижительном тоне. А кому ты это можешь доверить? Конечно, ты не доверишь это никому. Да, ты можешь сыграть и сказать: «О-о, я сегодня такой вот...». В надежде на то, что человек тебе скажет: «Да нет, ты что, всё было неплохо. *(Смеется)* Да забей ты на это», и так далее. Но есть такие переживания, когда уже так не сыграешь ни с кем. А пережить надо. Я думаю, везёт тем людям, у которых есть эта привычка – записать себя в дневнике.

Открою маленький секрет. Здесь уже про мою маму звучало. Этот человек сыграл и продолжает играть в моей жизни колоссальную роль. И на волне

протестного к ней отношения я, вообще-то, и уехала когда-то в славный город Ленинград с чемоданом, забитым книгами. Этот чемодан сегодня у меня тоже хранится. В нём хранятся мои дневники и письма. Но вот почему я вспомнила про маму?

Аванесов С. С.: Речь шла о том, чтобы записывать переживания.

Орлова Н. Х.: Вот, вот, мои дневники. И мама... Я начала их писать очень рано. Для этого выбирала, если было возможно, красивую тетрадь. Записи тогда велись перьевыми ручками. И вообще, мне это доставляло удовольствие, это было связано с эстетическим каким-то наслаждением. У меня всегда был очень красивый почерк. Мне очень жаль, что они не сохранились, те несколько ранних дневников. Я была тогда очень маленькой девочкой, наверное. Мне было лет семь-восемь. Что я там записывала – я не помню. Скорее всего, как говорят у нас, «как чукча». Пусть простят меня представители этого народа.

Аванесов С. С.: Эти прекрасные люди.

Орлова Н. Х.: Да, эти прекрасные люди. Вероятно, я писала всё, что видела, всё, что переживала. Вполне возможно, там что-то было не комплементарное по отношению к тем событиям, которые происходили у меня дома. И вот однажды я пришла домой... а мои дневники горят в печке. Мама их сожгла.

Аванесов С. С.: Рукописи все-таки сгорели?

Орлова Н. Х.: Да. Она их нашла и сожгла. Я помню, как я плакала, как отчаивалась и кричала на неё: «За что? За что ты это сделала?» Но тут же я завела новые, и появились новые «рукописи». И другой сюжет. Но уже не мама была тому виной. Как-то старшеклассницей я была в лагере вожатой. И со мной, как всегда, была тетрадочка дневника, в которой я что-то записывала. И однажды она пропала. Вожатые жили в отдельной комнате. Открываю свой чемодан, чтобы сделать очередную запись, а там нет моей тетради. И это была для меня трагедия. Но через несколько дней тетрадь вернулась. Вероятно, кто-то её взял из моих сокамерниц. *(Смеется)*. Боюсь сейчас перечитывать эти школьные дневники. Боюсь, потому что я понимаю, что это просто что-то ужасное – та я, которая девочка Надя Мамий...

Аванесов С. С.: Тогда у Вас появились первые читатели.

Орлова Н. Х.: Да-да-да. И я очень благодарна. Я не знаю, кто её взял. Но я и сегодня благодарна этому человеку, этой девочке или мальчику (не знаю, кто взял этот дневник тогда) за то, что вернули. И никогда нигде не было разговоров об этом. Но вернули. Эта тетрадочка хранится в моем архивном чемодане. *(Смеется)* И я всё время думаю: может быть, мне взять и про эту девочку написать?

Аванесов С. С.: Про девочку – это в смысле про себя?

Орлова Н. Х.: Про себя, да – про девочку эту, которая когда-то размышляла в своих тетрадках.

Аванесов С. С.: У Набокова автобиография начинается с предельно раннего детства. Ведь не зря он с этого начинает?

Орлова Н. Х.: Ему можно было. *(Смеется)*

Аванесов С. С.: То есть он уверен, что он нынешний растёт оттуда?

Орлова Н. Х.: Но он из какой семьи-то вырос?!

Аванесов С. С.: Да. Но это не имеет никакого значения.

Орлова Н. Х.: Имеет, наверное.

Аванесов С. С.: Нет. Это имеет отношение к разнице обстоятельств. Но рост происходит всё-таки оттуда. Мы оттуда растём. По-разному. У нас разные обстоятельства.

Орлова Н. Х.: Тогда получается, что во мне героизма больше, самостоятельного труда больше. Потому что с какой платформы я начинала?

Аванесов С. С.: В этом смысле вопрос: как Вам кажется, сам принцип построения автобиографии должен быть каким? Это должен быть чисто хронологический принцип – одно за другим, как оно было в жизни; либо это должен быть принцип какой-то иной, более художественный. Скажем, какие-то акценты могут быть расставлены: сначала описаны главные события, а потом все второстепенные, которые приобретают смысл как бы с точки зрения этих главных событий. То есть это аксиологический принцип. Или это должен быть какой-то принцип спонтанный. Допустим, если у человека нет датированных дневников, он просто вспоминает, и тогда он записывает эти воспоминания в том порядке, в каком они к нему приходят (в спонтанном порядке). И так, хронологический, аксиологический, спонтанный или какой-то ещё. Или нет никакого строгого порядка?

Орлова Н. Х.: Канона?

Аванесов С. С.: Да, канона.

Орлова Н. Х.: Я полагаю, что всё может там присутствовать, но автобиографичность должна присутствовать однозначно. Иначе какая же это автобиография? По определению здесь всё-таки предполагается некоторая хронология, некая этапность жизни. А всё остальное там может быть в зависимости от мотивации, талантов, способностей. Какой-то период жизни, вполне возможно, будет чисто хронологический. Какой-то период жизни, когда был подъём. Например, влюбился человек.

Аванесов С. С.: В философию.

Орлова Н. Х.: *(Смеется)*. Ну, что так упрощать человека до философии? В самого себя влюбился. И прямо прёт из него, и писучий он донельзя именно про такого себя. У него этот период жизни становится цветным. И там много всего напитано.

Аванесов С. С.: То есть, неравномерность вполне может присутствовать.

Орлова Н. Х.: Она вполне может быть. Собственно говоря, это и есть биография. Потому что мы не можем, вспоминая свою жизнь, сказать, что она у нас вообще такая ровненькая. Бывает, когда у нас так всё плотно-плотно набито, напичкано – и событиями, и людьми, и встречами, и творчеством. А есть период, когда мы, в общем-то..

Аванесов С. С.: Жиденький такой.

Орлова Н. Х.: Ну, он не жиденький. Но когда мы себе позволяем, скажем так, никуда не спешить. И, в общем-то, в согласии с самим собой, некая пауза. Вы знаете, я как-то работала год назад в одном московском архиве с письмами С. Н. Булгакова к Маргарите Морозовой, на средства которой издавался журнал «Путь». Сергей Николаевич был не только одним из редакторов этого журнала, но и близким другом Морозовой.

Так вот, я ему позавидовала. В каком смысле? Конечно, можно такой судьбе в принципе позавидовать. Хотя, конечно, там и драма очень непростая, и потеря сына, и эмиграция, и тяжёлая болезнь. Но ему удалось, в общем-то, прожить эту свою жизнь в гармонии с некоей универсальной константой,

которую он когда-то, вероятно, неосознанно для себя построил. Устремиться к самому себе. Вот это устремление – это как образ и подобие – подобие тому идеалу, который он когда-то видел. Но я не об этом. Так вот, может быть, если бы он не имел возможности или не позволял себе того, про что я вычитала в письме к его другу Маргарите...

Он пишет из Крыма, где, как я понимаю, жил подолгу. Там было имение его жены, по-моему. И вот в одном из писем к Морозовой читаем: «За полгода не написал ни одной строчки. Всё размышляю и размышляю». Понимаете?! Можно ли сказать о том, что в его жизни в это время было жиденько с событиями? Да нет же. Вот это наше «размышляю» – может быть самое плодотворное; мы в это время может ничего и не пишем на бумаге, а пишем у себя внутри, пишем самих себя. А потом воплощаемся на бумаге. Могут и книги сложиться...

Аванесов С. С.: Когда мы пишем автобиографию, как Вы думаете, мы должны придерживаться некоторой строгости в описании событий, то есть писать всё так, как оно было, – как бы следовать за фактами; либо мы всё-таки с какой-то аксиологической позиции пишем, мы как-то это оцениваем? Может быть, мы не слепо следуем за фактом в его описании, а сразу же даём какую-то оценку его с позиции настоящего. То есть мы не делаем вид, что мы не знаем, к чему привело то или иное событие. Мы должны ведь это учитывать – то, что автор пишет из будущего всё-таки?

Орлова Н. Х.: Это если он из будущего пишет. Он пишет читателю из будущего или он пишет сегодня о себе?

Аванесов С. С.: Когда он пишет, он пишет уже из будущего о том, что произошло. И поэтому он имеет право на то, чтобы как-то к этому отнестись. Или он должен просто фиксировать, фиксировать, фиксировать? Или так не бывает?

Орлова Н. Х.: Да дело всё в том, что сам выбор событий, подлежащих фиксации, это уже их оценивание. Оценивание их значимости. Решив для себя, что вот это событие следует зафиксировать, человек подчеркнул его значимость.

Аванесов С. С.: Он действует не как хроникёр, он действует как...

Орлова Н. Х.: Как летописец, но летописец в таком символическом смысле, наверное. Фиксация важности события. Потому что как хроникёр, наверное, он по-другому бы собирал хроники...

Аванесов С. С.: Он бы селекцию никакую не производил? А так он производит некую селекцию.

Орлова Н. Х.: Да. «Сходил в магазин, купил, ценник вырос и так далее...». Я встречала и такие записи. Они, кстати, замечательную службу служат историкам, которые возвращаются к этой эпохе и описывают её повседневность. Сегодня, на самом деле, очень модный жанр «нон-фикшн», который в принципе строится на этих архивных сочинениях или фиксациях.

Аванесов С. С.: Как Вам кажется, на каком основании автор может так отбирать события, что, допустим, он запрещает себе описывать какие-то события, он их отвергает и не помещает в автобиографию? Чем может быть вызван такой принцип? Тем, что он считает их неважными или он считает, что это настолько приватно, что об этом не стоит писать, или он хочет понравиться читателю? Может быть так, что он какие-то события просто убирает?

Орлова Н. Х.: Он может их убрать, во-первых, в тот момент это может казаться неважно, или даже небезопасно... Если он всё-таки запись делает, то

он точно запишет самое важное для него и с его точки зрения. И селекция по степени важности/неважности делается только исключительно субъективно на момент записи. Если событие с точки зрения будущего историка в дневнике отсутствует, это означает только одно: что автору дневника это событие не казалось предельно важным. Да, оно важное, но оно не казалось важным для него! Потому дневники и письма называют нынче «эго-документами».

А что касается «понравиться / не понравиться будущему читателю», я бы здесь ещё добавила «самому себе будущему». Потому что мы же можем вернуться к этим записям и самих себя постесняться. И я встречала дневники, в которых автор... Вот у той же Евлалии Казанович кое-что вырезано или густо-густо замарано, это прочитать никак нельзя. Ну, да, эксперт-криминалист, наверное, прочитает. Мы, конечно, хотим нравиться, в первую очередь, самим себе. Как бы мы сами себе ни говорили или как бы нам ни казалось, что мы спонтанны, – нет, конечно. Мы стараемся даже запись делать, чтобы нравиться. И себе, и случайному будущему читателю, если, даст Бог, такой появится в нашей судьбе, в запоминании культуры о нас. Конечно, мы стараемся. Что тут обманывать самих себя? Мы, собственно, для этого и пишем, чтобы себе нравиться. И даже когда мы пишем о себе некрасивом, плохом, мы всё равно, так или иначе, даже в этот миг стараемся себе понравиться и понравиться читателю. Ну, и пусть он увидит, что вот мы такие. И всё тут. (*Смеется*). Во всём своём добре и зле.

Аванесов С. С.: Тогда получается, что автор, когда пишет автобиографию, он своеобразным образом вмешивается в прошлое, в реальность, он его приукрашивает или где-то утаивает, или что-то скрывает. А может он пойти дальше? Если он относится к этому как к литературному тексту, может ли он допустить мистификацию, лёгкий обман читателя, какие-то игры с читателем?

Орлова Н. Х.: На самом деле, историкам хорошо известно, что большинство мемуарных текстов, написанных в том числе и в жанре автобиографии (потому что граница здесь очень размытая), они вполне дают нам, скажем, примеры таких мистификаций, когда присутствуют домысливания или дописывание образа человека, который участвует в описываемом событии. Но чаще всего это бывает тогда, когда автор текста пишет в отсроченной перспективе. То есть не в режиме онлайн, а когда он потом уже возвращается к этому.

Вот, допустим, интересные воспоминания Шавельского. Это последний протопресвитер Белой армии (армии Деникина). Когда с юга России армия уплывала в Константинополь и рассеивалась потом по зарубежью, он оставил замечательные воспоминания. Вот там, на мой взгляд, вполне себе присутствуют персоны, целая галерея, на которую он не скупился, не ленился. Возможно, просто у него был к этому талант. Кроме того, что он ещё и психолог по профессии. Всё-таки, согласитесь, священники – это люди, которые работают с душами людей, и они многое умеют анализировать, рефлексировать, описывать и так далее. Шавельский здесь проявил себя как замечательный, талантливый писатель. Но портретные воспоминания, это всегда предельная субъективность, и я нашла несколько нестыковок.

Аванесов С. С.: Но тогда, читая автобиографию, мы уже априорно можем предполагать, что в каком-то смысле автор, который там присутствует, отчасти и лирический герой. Да? В некотором смысле. Потому что если это художественный текст, в той или иной мере, то автор склонен превращаться

в лирического героя. И в этом смысле мы, наверное, не должны относиться к автобиографии как к строгой записи всех реальных событий – внешних и внутренних. Всё-таки это запись событий, пропущенная сквозь какую-то авторефлексию.

Орлова Н. Х.: Конечно. Вот свежий пример. В книгу избранных работ Ксении Михайловны Милорадович³ вошли пять её очерков автобиографического характера, которые мне прислали из архива УФСБ по Самарской области из её уголовного дела. Об этих работах она именно так упоминала в письме к Пешковой (это первая жена Горького, которая многие годы в «Красном Кресте» помогала политзаключённым и как-то облегчала их судьбу). Символично, что мы с Вами сегодня об этом здесь говорим, в городе Великом Новгороде. Потому что один из рассказов начинается с описания поездки в Новгород, которую профессор Шляпкин Илья Александрович и директор Бестужевских курсов Раев организовали для курсисток. И плыли они сюда по Волхову на корабле, специально арендованном для этих 50 или 60 курсисток.

Есть что-то от чеховского стиля в этих рассказах Милорадович. Плотная насыщенность персонажами, событиями, объёмностью.

Аванесов С. С.: Какой это год был?

Орлова Н. Х.: Это был 1904 год, сентябрь. Но у нее датируется 1903-м. Зная, что автобиографичный и мемуарный жанр всё-таки допускают искажения, в том числе, хронологические, я провела маленькое расследование и нашла газетную заметку об этой поездке.

Аванесов С. С.: В общем, начало XX века. Да?

Орлова Н. Х.: Да, это было начало XX века. Очерк, кстати, называется «Пир во время чумы». Замечательный пример автобиографического письма. И там невероятная плотность эпохи на страницу. Автор присутствует и как опсатель, и как действующий герой. Милорадович так фиксирует расстановку фигур и хронологию событий, что можно пьесу ставить. Это предельно насыщенная драматургия. Конечно, пришлось расшифровывать имена персонажей, которые упоминались лишь заглавной буквой с точкой, реконструировать динамику событий и реплик героев. Видимо, Ксения Михайловна делала записи в надежде в будущем их доработать и опубликовать. Но не успела... Я думаю, что вот это и есть автобиографическое письмо.

Аванесов С. С.: А для кого такое письмо? Кому предназначены такие тексты? Ведь не для себя только, раз это публикуется.

Орлова Н. Х.: Да, она собиралась опубликовать их.

Аванесов С. С.: На кого это рассчитано? То есть кому: собственным потомкам, всему миру? Каковы цели такого сообщения? Поделиться своим опытом

³ Милорадович Ксения Михайловна (1882 – после 1937 (?)) – писатель, философ, выпускница историко-филологического отделения Высших женских курсов (1906 г.), автор статей и переводов по философии. Под ее редакцией в 1915 г. вышел сборник «Современные течения религиозно-философской мысли во Франции». Помощница библиотекаря в библиотеке ВЖК с 1910 по 1918 гг. С 1919 по 1926 г. заведовала Первым Филиальным отделением библиотеки Петроградского университета (бывшая библиотека Бестужевских курсов). В 1927 году была арестована, провела в заключении почти три месяца и была освобождена. Предположительно была репрессирована по делу кружка А. А. Мейера «Воскресение». Была освобождена и выслана в Саратов. Вновь арестована в 1935 г. за «подпольную педагогическую деятельность». В 1937 приговорена к 6 годам ИТЛ. Дальнейшая ее судьба неизвестна, как и дата смерти.

или передать какую-то информацию, или, может быть, с какими-то назидательными, педагогическими целями пишутся такие тексты? Для кого и для чего это делается, как Вы думаете?

Орлова Н. Х.: Если говорить, имея в виду этот, на мой взгляд, идеальный образец письма Ксении Милорадович, то я думаю, что она ставила главную цель – зафиксировать события и людей, драму их отношений, переживаний, эпоху. И да – оставить некое свидетельство об этом. Потому что то, как она построила этот сюжет, как она его описала, – это действительно бесценный документ именно как свидетельство времени, эпохи в такой полноте персонажей. Но она ведь уже очень зрелым человеком была – ей шел шестой десяток лет в это время. Для того времени это был очень зрелый возраст, в 1930-е годы. К тому же она писала, когда за её плечами было уже два или три ареста и трагический список утрат друзей и учителей. Мне даже кажется, что она буквально миссию на себя взяла, зафиксировать не просто эпоху, а именно портреты людей: там ведь ни одной банальной фигуры нет в этих драматических пьесах «нон-фикшн». Комментируя её очерки, я нашла в них немало огрехов, когда отсроченная память исказила хронологию и даже имена.

Аванесов С. С.: Может быть, это неважно? Именно в жанре автобиографии? Может быть, это неважно – строгое соответствие датировки, последовательности и так далее. Если человек, скорее, хочет передать не столько содержание событий, сколько их смысл, их значение, их важность.

Орлова Н. Х.: Если возвращаться к этому очерку, то по содержанию было понятно, что ей самой это было важно. Важно, чтобы была соблюдена ещё и хронология событий. Там интрига-то в чём заключается, почему такое название? «Пьеса» заканчивается похоронами Шляпкина в 1918 году. Когда Милорадович вернулась с фронта, где служила в «Красном кресте» сестрой милосердия, она вернулась в послереволюционный Петербург и написала Шляпкину письмо, ещё не зная, что он смертельно болен, и что остались считанные дни.

Затем описание дежурств у постели: её – его бывшей ученицы, и двух других его бывших учеников. Пафос в теме пира в голодном Петрограде, где корочка хлеба как лакомство. Милорадович приезжает на похороны, а там из кладовых Шляпкина накрыт роскошный стол, и съехалось университетское голодающее общество: и Радлов, и другие имена, о которых мы сегодня пишем. И все смотрели на этот стол с недоумением. Потому что он просто ломился от яств: и от вина, и от колбас, и от всего прочего. Это был пир во время чумы...

Так что линия времени (хронологии) здесь соблюдена. Милорадович поместила сюда всё и все почти 15 лет, пролетевшие после поездки в Новгород, с которой завязалась дружба Милорадович с учителем. В хронологию вместились всё очень плотно: и манифесты революционно настроенных курсисток а là 1904 год, и прохладный туманный день, и одеяла от губернаторши, чтобы они не замерзли в пути, и растерянные университетские коллеги Шляпкина на его похоронах в голодном Петрограде 1918 года... Мне кажется, что если писать автобиографию, то писать нужно именно так.

Аванесов С. С.: Но при этом это автобиография, а не просто воспоминания.

Орлова Н. Х.: Автобиография, да.

Аванесов С. С.: То есть там автор присутствует во всём этом. Это его взгляд.

Орлова Н. Х.: Да, фиксация.

Аванесов С. С.: Через эти описания других.

Орлова Н. Х.: Там нет оценочного суждения.

Аванесов С. С.: Нет оценочного суждения. Всё-таки это просто описание?

Орлова Н. Х.: Там такая гениальная фиксация, что ты понимаешь, какими глазами на это всё смотрел автор.

Аванесов С. С.: Тогда в каком соотношении, в какой пропорции в автобиографии должен присутствовать сам автор? Когда его присутствие становится нескромным уже? С точки зрения философии ведь скромность – это добродетель.

Орлова Н. Х.: Да?

Аванесов С. С.: Как удержаться?

Орлова Н. Х.: С моей точки зрения, скромность – это нечто близкое к сюжету, когда нечего сказать. *(Смеются)* Здесь я не совпадаю с мейнстримом. Есть же шуточная поговорка: «Скромность украшает того, кого уже больше ничто не украшает». Но это из традиции наших административных характеристик.

Аванесов С. С.: Но мы же к мейнстриму отношения не имеем, мы как бы судим с точки зрения сути.

Орлова Н. Х.: А что такое скромность тогда, я хотела бы уточнить? Как мы это понимаем?

Аванесов С. С.: В крайнем случае, это Плотин, всем известный, который вообще ничего о себе не сообщал, и мы о нём знаем крайне мало. И запрещал себя изображать. То есть главное – это мысль, а не я сам.

Орлова Н. Х.: Так это и есть скромность? А в современном понимании что такое скромность?

Аванесов С. С.: Я не знаю, что такое современное понимание.

Орлова Н. Х.: Хорошо. Как мы это понимаем, вот философы как это договорились понимать – скромность? Скромность?

Аванесов С. С.: Скромность?

Орлова Н. Х.: Нет. Скромность – что же это за слово?

Аванесов С. С.: Ну, чтобы автобиография не превратилась...

Орлова Н. Х.: Схрон, спрятался?

Аванесов С. С.: ...в выпячивание себя.

Орлова Н. Х.: Нет, а как понять? А если мы пишем наши философские тексты, мы себя не выпячиваем?

Аванесов С. С.: Если заставляю читателя получать информацию не о событиях, а только о себе любимом. Есть какая-то грань скромности или нет? Или в автобиографии никакой скромности быть не может?

Орлова Н. Х.: Я подчеркиваю, что к слову «скромность» отношусь отрицательно.

Аванесов С. С.: Отлично.

Орлова Н. Х.: Если же говорить о том, в каком объёме автор может позволить себе присутствовать...

Аванесов С. С.: В любом?

Орлова Н. Х.: Да. На мой взгляд, в любом абсолютно.

Аванесов С. С.: Тогда никакой скромности быть не может.

Орлова Н. Х.: В таких смыслах – да, я так думаю. Опять же, если исходить из того, о чём мы договорились – о нашей надежде, что читатель когда-нибудь

будет. Но даже если читателю это может в силу каких-то его особенностей не нравиться то, что автора слишком много...

Аванесов С. С.: Вот выскочка!

Орлова Н. Х.: Да. То это проблемы читателя. Мне кажется, высказывание не может быть ограниченным. Оно не может дисциплинироваться вот этим конфликтом, комплексом балансирования: скромно/нескромно и так далее. Какое же это высказывание? Это некая игра в высказывание.

Аванесов С. С.: Но в любом случае ведь автор думает о читателе и о том, как он его воспримет. И автор может думать о том, что читателю может показаться, что автора слишком много в тексте и не прочитает этот текст.

Орлова Н. Х.: Я согласна, что автор всегда думает о том, что будет читатель. А вот как он покажется читателю – автор думать не должен. Вот если автор начинает думать, как он покажется читателю...

Аванесов С. С.: И подстраиваться тем самым под ожидания. Да?

Орлова Н. Х.: Да. Тогда он начнёт мимикрировать и всё. И это уже будет не автор.

Аванесов С. С.: Это будет не его высказывание уже.

Орлова Н. Х.: Нет. Конечно. Конечно. Автор думает о том, что читатель возможен. Он мотивирован именно тем, что читатель возможен.

Аванесов С. С.: И это он ведущая сторона в этой паре, а не читатель.

Орлова Н. Х.: Конечно.

Аванесов С. С.: То есть не что вам угодно, а будь добр, если хочешь.

Орлова Н. Х.: И даже не так директивно, но он просто верит в то, что будет тот читатель, который захочет читать этот текст, а играть с читателем: «Давай я тебе сейчас поправлюсь». Это такая ловушка. Но философ-то точно не должен этого делать. И вообще никакой автор не должен этого делать.

Аванесов С. С.: Но отсюда возникают разные размышления по поводу современной популярной литературы и так далее. Но мы от этого воздержимся. Мы говорим о философской.

Орлова Н. Х.: А, мы тогда говорим уже о коммерции.

Аванесов С. С.: Да, это другой разговор.

Орлова Н. Х.: Конечно.

Аванесов С. С.: Это другая тема.

Орлова Н. Х.: Тогда – да. Тогда мы уже решаем, кому мы сможем это продать. Это уже другое. Мы с вами сегодня не об этом говорим.

Аванесов С. С.: Хорошо. Ещё вопрос такой, уже ближе к заключению. Как Вам кажется, может ли автобиография быть исчерпывающей? Может ли философ издать автобиографию, если он ещё жив? Ведь биография его продолжается.

Орлова Н. Х.: В истории нет сослагательного наклонения: «если бы». Мне кажется, это и сюда относится тоже. Он может издать. Но если бы он мог издать, то он это делает. Он может издать, но без всякого «если бы». Либо он пишет её до последнего и надеется, что это кто-то издаст без всякого «если бы», либо он издаёт сейчас и понимает, даёт себе отчёт в том, что этот кусочек летописи своего жизненного пути он уже не переписет.

Аванесов С. С.: И это фрагмент, с которым он как бы расстаётся, выражая его в тексте.

Орлова Н. Х.: Да. И он дальше может принять для себя решение: продолжение не следует, я самое главное сказал. Я встречала такие сюжеты, когда

человек принимал решение вообще не писать. Неважно, что. Просто останавливал себя, потому что это такая высокая степень ответственности перед самим собой – когда мы исписаны уже, когда человек отдаёт себе отчёт, что он, в принципе, уже ничего нового от себя сказать не может, а занимается протитуированием на потребу дня и так далее. Но если он обязан это делать по требованию профессии и отчётности, то да, тут всё понятно.

Но мы можем возвращаться к нашим прошлым текстам, как это бывает. Вот я сегодня рассказывала, как я к тексту Достоевского вернулась. Мы можем возвращаться. Потому что уходили. Но возвращаемся мы уже другие, изменившиеся и с измененной мотивацией. Оказывается, сегодня, занимаясь Достоевским, я вообще работаю на каком-то другом витке. К тексту автобиографии можно возвращаться, но переписать уже не получится. То есть, не вернуться, чтобы «редактировать» текст, а вернуться, чтобы редактировать себя: текст может мне служить, он может во мне работать. Да, так можно, я думаю.

Аванесов С. С.: Хорошо. И последний вопрос: есть такое расхожее представление о том, что биография настоящего философа начинается после его смерти.

Орлова Н. Х.: Это если повезёт.

Аванесов С. С.: Да, если случается, то случается после смерти. И в этом смысле, если стоять на этой позиции, возможна ли вообще философская автобиография? Ты ещё не начал жить как философ, ты должен сначала умереть. Но когда ты умрёшь, ты не можешь писать. И тогда не ставится ли под сомнение вообще автобиография как философский жанр?

Орлова Н. Х.: Мне кажется, вот это «если бы».

Аванесов С. С.: Нет, если мы допускаем, что... то тогда...

Орлова Н. Х.: Нет, я сейчас в начало вопроса возвращаюсь. По-моему, тезис, что биография философа начинается после его смерти, – он спорный.

Аванесов С. С.: Да. И даже мы не можем решить, что мы философы. Это другие должны решать. И поэтому философская биография человека начинается тогда, когда он умер и его посмертно признали через, может быть, несколько поколений философом. Вот тогда, если мы так считаем, пока я жив и имею философскую степень, звание и должность, всё-таки я не философ. Вот в этом смысле.

Орлова Н. Х.: Но история философии нам этот тезис не подтверждает. Большинство философов были признаны как философы философским цехом при жизни. Разве не так?

Аванесов С. С.: Этого достаточно, чтобы считаться философом?

Орлова Н. Х.: На самом деле, чтобы считаться философом... Кем считаться? Тогда давайте уточнять, кем считаться?

Аванесов С. С.: Не преподавателем философии, не писателем на философские темы, не историком философии.

Орлова Н. Х.: А кем считаться?

Аванесов С. С.: Философом.

Орлова Н. Х.: А что такое «считаться» тогда?

Аванесов С. С.: Быть признанным.

Орлова Н. Х.: Быть признанным кем, если не философским сообществом, которое только что Вы взяли и исключили.

Аванесов С. С.: Не только философским.

Орлова Н. Х.: Тогда быть признанным кем?

Аванесов С. С.: Потому что профессиональное философское сообщество – это узкая корпорация.

Орлова Н. Х.: А кем тогда? Кем?

Аванесов С. С.: Обществом в широком смысле. Если ты вошёл в культуру как философ.

Орлова Н. Х.: А есть примеры такие, что философ только после смерти был принят широким обществом?

Аванесов С. С.: Бахтин (последний пример). Аверинцев.

Орлова Н. Х.: Насколько мне известно, Аверинцев был вполне себе признан и при жизни.

Аванесов С. С.: Но не философом.

Орлова Н. Х.: А, в этом смысле? Ну, это такие причуды судьбы. Это не есть некая общая практика. Если мы говорим о философе, мысль которого работает, включается в некие дискурсы ещё при его жизни, то это обычная практика.

Аванесов С. С.: То есть это, скорее, правило?

Орлова Н. Х.: Конечно. Ну, да, я философа Ксению Милорадович пытаюсь вернуть в память философского сообщества. Но именно современного. Она при жизни была включена в философское сообщество, активно публиковалась. И это она написала энциклопедическую статью о Бердяеве, который так и не получил (извините меня) университетского образования. И никаких степеней у него никогда и не было. Ей была заказана энциклопедическая статья о нём, где о нём сказано так: «молодой начинающий философ, который был изгнан из Владимирского университета и у которого возможно некое философское развитие». А Ксения Милорадович в это время уже писатель-философ. И её знали в цехе. И член философского общества, которое, кстати, – это не нынешнее наше собрание, а это очень серьёзная организация по тому времени, которую Советская власть уже своим решением о закрытии промаркировала, как весьма серьёзную. И кто знает? Может быть, если бы не революция, то иначе сложились бы маршруты цитирования у них у всех... Имена многих из них в том числе, Бердяева, Лосского, Франка и др. вошли в наши учебники по философии только на волне постперестроечных процессов. А имена моих героинь еще предстоит восстанавливать в культурной памяти.

Аванесов С. С.: Вы входите в состав философского общества?

Орлова Н. Х.: Ну, у меня членский билет есть, но это было тогда, когда руководил им Юрий Никифорович Солонин. Это было именно философское общество. Тогда я считала за честь быть его членом и взносы платить. Но не стало Юрия Никифоровича, не стало «Дней Петербургской философии». А сегодня философское общество и вовсе к университету не имеет никакого отношения.

Аванесов С. С.: А к философии?

Орлова Н. Х.: Возможно, там что-то и делается хорошее. Я не могу сказать категорично, потому что я с ними не имею никакой связи. И поэтому я буду некорректна по отношению к ним, если позволю себе негативное высказывание. Мне кажется, что всё-таки философ имеет и всегда имел шанс быть признанным как философ, состояться в истории философии при жизни. Или, по крайней мере, читаемым. Или, по крайней мере, опротестованным. Но это означает, что всё равно...

Аванесов С. С.: Замечен был. Да?

Орлова Н. Х.: Замечен был. Сообщество на него отреагировало, с ним не согласилось, осмеяло и так далее. Но это означает, что он в истории философской мысли остался, так или иначе. Правильно ведь? Мы сегодня у Платона, на самом деле, кучу всего можем опротестовать. Просто это не принято. И не только у него. И у того же Августина. Правильно?

Аванесов С. С.: Конечно.

Орлова Н. Х.: Но мы сегодня берём из их текстов то, что сохраняет свою актуальность и возможность для формирования мировоззрения и так далее.

Аванесов С. С.: Вот это и есть признак, наверное, философского текста. Он актуален во все времена. Может быть, разными своими аспектами.

Орлова Н. Х.: Согласна.

Аванесов С. С.: Так или иначе, для тех или других людей он всегда актуален.

Орлова Н. Х.: Согласна.

Аванесов С. С.: И поэтому в данном смысле их биография продолжается.

Орлова Н. Х.: Согласна. Но я бы даже, наверное, усилила свою протестную реакцию на этот вопрос. Мне кажется, что шансы у философа, не признанного при жизни и быть признанным после – практически нулевые. Разве что культура утратила при его жизни какой-то его текст, а потом он открылся. Но это я не знаю, что должно произойти. Не знаю примеров в истории философии. Мы же не стоим на месте. Даже те тексты, на которые мы с пиететом ссылаемся, многие изрядно устарели. Мы их перечитываем, упоминаем, но... По-моему, так. Поэтому надо спешить, надо успевать сегодня, сейчас.

Аванесов С. С.: Хорошо. На этом пожелании к нам ко всем...

Орлова Н. Х.: Да, давайте успевать писать автобиографии: спонтанно, в хронологическом ключе, литературно – как угодно, и надеяться, верить в то, что наш читатель когда-то захочет нас прочитать, и наше слово когда-то в ком-то отзовется.

Аванесов С. С.: Спасибо большое, Надежда Хаджимерзановна, за приятный разговор.

Орлова Н. Х.: Спасибо..